

УДК 930.85

КУЛЬТУРНО-ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ РУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА ОСЕТИН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ.

Дзалаева Камила Руслановна

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиала Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра Владикавказский научный центр РАН

362040, РСО-Алания, г. Владикавказ, проспект Мира, 10

Тел. 89188281988

Аннотация

Статья посвящена проблеме культурно-хозяйственных преобразований Осетии, возникших в процессе взаимодействия с русскими переселенцами второй половины XIX – начала XX вв. в условиях пореформенной модернизации Российской империи. В фокусе внимания трансформация традиционного уклада жизни осетин и формирование в их среде новых культурно-хозяйственных норм и поведенческих установок.

Ключевые слова: Осетия, Российская империя, русские переселенцы, культурно-хозяйственная трансформация, русско-осетинское взаимодействие, пореформенная модернизация.

THE CULTURAL AND ECONOMIC IMPACT OF RUSSIAN SETTLERS ON THE OSSETIANS IN THE SECOND HALF OF THE 19TH - EARLY 20TH CENTURIES

Kamila R. Dzalaeva

Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research under V.I. Abaev a branch of the Federal State Budgetary Institution of Science of the Federal Scientific Center Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

362040, North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Prospect Mira, 10

ABSTRACT

The article is devoted to the problem of cultural and economic transformations of Ossetia that arose in the process of interaction with Russian settlers in the second half of the 19th - early 20th centuries. in the context of the post-reform modernization of the Russian Empire. The focus

of attention is the transformation of the traditional way of life of the Ossetians and the formation of new cultural and economic norms and behavioral attitudes in their midst.

Key words: Ossetia, Russian Empire, Russian settlers, cultural and economic transformation, Russian-Ossetian interaction, post-reform modernization

В силу целого ряда исторических причин взаимоотношения России и Северного Кавказа всегда были и остаются важным объектом научного исследования. Осетия, как форпост российской государственности в регионе, привлекает особенное внимание современных ученых и государственных деятелей. Продуктивное взаимодействие русского и осетинского народа в условиях пореформенной модернизации является ценным опытом налаживания добрососедских отношений, трансформации и прогрессивного общественного развития в переходный период.

Цель исследования – определение механизмов и роли культурно-хозяйственного взаимодействия осетинского социума и русского переселенческого контингента в процессе интеграции Осетии в Российскую империю во второй половине XIX – начале XX вв.

Работа основывается на материале периодической печати второй половины XIX – начала XX вв., ряде опубликованных источников, научных работ дореволюционных и современных авторов, посвященных вопросам присоединения Осетии к России, русско-осетинского межкультурного взаимодействия, модернизации и развитию капиталистических отношений в пореформенной России. В основе исследования применены системно-структурный, сравнительно-исторический и цивилизационный подходы.

Интеграция Осетии в социально-культурное, экономическое и политико-правовое пространство Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. проходила в условиях процессов пореформенной модернизации, ведущей к культурно-хозяйственной трансформации ее традиционного уклада и утверждения общероссийской идентичности, ведущего к минимизации культурных различий между русским населением и «инородцами».

Одной из приоритетных задач, стоящих перед Россией в рассматриваемый период, было сельскохозяйственное и промышленное освоение вновь присоединенных территорий. Северный Кавказ, с учетом его стратегического положения, малой заселенности и природно-ресурсного потенциала привлекал особое внимание государственных деятелей, признающих наиболее эффективным механизмом овладения регионом заселение его «русским элементом».

Общероссийские преобразования, нацеленные на бурное развитие капитализма, промышленный переворот, индустриализацию экономики, развитие торговли, банковской системы и фабричного производства, вовлечение крестьянства в товарно-денежные отношения, развитие железнодорожной сети, роста численности рабочего класса ставили осетин перед проблемой включения во все общественные процессы и выработки способов адаптации к новым жизненным обстоятельствам. В первую очередь, изменения затронули их культурно-хозяйственные традиции. Обновляющееся в ходе реформ российское государство стало предъявлять «все более возрастающие требования к хозяйствованию

вошедших в ее государственный и экономический организм горских народов... возникла необходимость обновления трудовой и хозяйственной культуры» [1, 23].

Развитие промышленности, механизация ручного труда, возникновение Владикавказской железной дороги, вовлечение в торговлю еще больше усугубляли ломку прежнего уклада жизни и способствовали формированию в осетинском обществе новых культурно-хозяйственных норм и поведенческих установок. Все больше соприкасаясь в повседневной жизни с русскими переселенцами, знакомясь с особенностями быта, орудий труда и сельскохозяйственной деятельности, более приспособленной к равнинной местности, осетины, переселившиеся с гор на плоскость, постепенно стали применять увиденное в своих хозяйствах. Многие новшества, пришедшие в Осетию с водворением здесь русских, в силу их очевидной прогрессивности и удобства, нашли свое отражение в представлениях осетин о жилой среде, стиле жизни, способах ведения домашнего хозяйства и организации быта, что вызывало желание изменить свою жизнь и влекло к неизбежной трансформации ее основ. Выступая в роли социального идентификатора, жилая среда позволяет индивиду соотносить себя с определенной социальной группой, обществом и культурой, а жилище выступает средством его самоидентификации, своеобразным отражением [2, 71]. Обладая интегративной функцией, единая жилая среда способна сплачивать и интегрировать людей, обеспечивая целостность сообщества и вырабатывая коллективное чувство общности, принадлежности к одной культуре, традициям, группе [2, 72]. В ходе русско-осетинского взаимодействия культурно-хозяйственная адаптация осетин к быстро меняющейся действительности начиналась с процессов аккультурации, выразившейся в комбинировании традиционных и заимствованных культурных паттернов. Наиболее наглядными были изменения, связанные с жилищем и повседневным бытом. По мере развития плоскостных населенных пунктов осетины старались строить свои дома по типу русских домов, используя новые материалы для их возведения, сочетая новые заимствованные архитектурные принципы с привычными: «В конце XIX – начале XX вв. под влиянием города и русских, поселившихся по соседству, у осетин появился еще один тип нового жилища – квадратный («уырыссаг хадзар» - «русский дом»), располагавшийся фасадом на улицу. Однако некоторые особенности планировки жилых помещений осетинского дома очень ярко отразились и в этом доме» [3, 153]. Так, «по старинке», центральным помещением для семьи оставался традиционный «хадзар» (сакля). Продолжительное время неизменным оставался и традиционный очаг, с которым у осетин была связана определенная обрядовая культура. Такой симбиоз архаики и новизны объяснялся открытостью осетин к новшествам с одной стороны и их приверженностью к традиционным нормам с другой стороны: «Можно всюду наблюдать, что горец в своих высоких хоромах даже и не живет: рядом с хоромами он непременно ставит свою милую саклю и большую часть времени проводит в ней. Это и понятно: она меньше, теплее, уютнее; семья тут собирается вся и греется, по привычке, около приветливого огонька, в то время как в «хоромах под черепицею» свистит ветер и не попадает зуб на зуб» [4, 27]. Существенно менялся вид не только жилища, но и населенных пунктов в целом, особенно тех, которые находились по соседству с русскими поселениями: «...редко кто еще жил в старой плетневой сакле. Новые деревянные и каменные дома ровными рядами вытягивались вдоль прямых улиц села» [5, 79]. На рубеже XIX - XX вв. русское влияние на архитектурные принципы все чаще стало проявляться и в отдаленных уголках Осетии:

«Когда едешь по Военно-Осетинской дороге из Алагира к Мамисонскому перевалу, то с третьей версты этой дороги виднеются красивые черепичные крыши строений, вытянувшихся на высокой береговой стороне р. Ардон. Это Бирагзанг (Волчья лапа) – осетинское селение, уже второй раз передвинувшееся на новое место. До появления русских, убогие сакли стояли на зеленой известковой горе версты на четыре выше теперешнего места, а в половине XIX столетия спустились ниже, к р. Ардон» [6, 3].

Процессы урбанизации, захватывающие в период второй половины XIX – начала XX вв. все новые и новые территории, кардинально меняли образ жизни и культуру повседневности осетин. Значимое воздействие на них оказывал город Владикавказ, концентрировавший в себе представителей разных этносов, конфессий, социальных слоев, профессий, уровней материального достатка и выполнявший роль транслятора разнообразных новаций, достижений и трендов городской культуры. Именно во Владикавказе приобретались осетинами модные предметы одежды и домашней утвари, именно здесь осетины открывали для себя преимущества городского типа жилища, именно под воздействием владикавказской среды формировались у них новые культурно-хозяйственные предпочтения и представления о социальной престижности городской жизни и ее атрибутах.

Приобщение к новшествам было доступно более зажиточным семьям. Однако обзавестись «городским» домом, обустроить его на престижный современный лад стремились все слои населения: «В былое время, лет 20 тому назад, встретить сколько-нибудь порядочный дома в ауле представлялось явлением редким... Все жили в самых простых саклях, построенных в лучшем случае из бревен, зачастую же – просто из мелких стоячих жердей, обмазанных глиною... Если вы теперь проедете по аулам плоскостной Осетии, вы удивитесь происшедшей перемене. В любом ауле вы уже найдете много довольно приличных домов, крытых черепицею, имеющих вместо крошечных отверстий большие светлые окна (в 6 – 8 стекол), закрывающиеся филленчатыми ставнями. Если вы войдете в один из этих домов, вас введут в просторную и светлую комнату с хорошим деревянным полом, с потолком, обшитым шалевками; вместо камина вы увидите печку, снабженную всеми принадлежностями; вместо простых мазанных стен зачастую найдете оштукатуренные или обклеенные обоями; двери, створчатые рамы, ставни – все снабжены медными ручками, петлями, крючками... Вы с удовольствием увидите стол, часто покрытый скатертью, очень приличную кровать, стулья (нередко соломенные), диван, полированный шкаф и т.п. Если вы гость, русский или долго жили в России и усвоили русские обычаи, вам могут подать тщеславные горцы обед с претензиями на русский вкус и обычаи; каждому из гостей могут подать отдельный прибор с вилками, ножами, салфетками; на столе появятся графины с горским пивом и с неизменной аракой, а рядом может быть поставлена чаша с медовой брагой. Но раньше обед вас угостят непременно чаем, причем будут налицо все принадлежности чаепития... Все эти вещи и обстановка обходятся горцу очень дорого. Особенно не по средствам ему самовар, который можно видеть в каждом доме средней состоятельности...» [4, 26] Изменения в хозяйстве, в быту часто оказывались разорительными для большинства горцев. Проблема популярности малодоступных по стоимости, но привлекательных своей престижностью жилищ нового типа не раз поднималась в прессе тех лет. Особо эмоциональные отзывы вызывало селение Христианское, которое выглядело передовым на фоне остальных осетинских поселений:

«Если бы захотеть по платью или вообще по внешнему облику определить степень зажиточности и, так сказать, материальной обеспеченности народа, то, вне всякого сомнения, на долю осетин пришлось бы отсчитать наивысшую степень. Их одеяния в подавляющем большинстве случаев носят следы некоторого щегольства; их украшения кинжалов, поясов, газырей, седел, уздечек и т.д. свидетельствуют о некотором излишке, который можно урвать от хозяйства. И это относится в такой же мере и к их постройкам. Трудно себе представить большее несоответствие между этим резко подчеркнутым внешним благосостоянием и той внутренней скрытой бедностью, которая так бессильно прячется в позолоте кинжалов, в посеребренной сбруе и в больших кирпичных строениях. Когда въезжаешь в осетинское селение, особенно в такое, как Христианское (в шутку называемое «осетинской Москвой»), прежде всего, поражают именно строения. Вот где щедрой рукой рассыпано богатство, вот где живут люди, которым очень редко напоминает о себе нужда... Вы будете все с большим интересом вглядываться в раскрывающиеся перед вами все новые улицы с охватившими их с двух сторон оградами. Такова уж сила этого внешнего богатства одного из беднейших селений. Дома в большинстве высокие, большие, сложенные из кирпича, крытые черепицей или железом, носят на себе ясные следы городской культуры. Длинные сараи, просторные, высокие, чистые, с большими, прекрасно устроенными сеновалами, покоящимися на толстых четырехугольных кирпичных столбах, тянутся обыкновенно вдоль забора высокого, сложенного из голыша и от этого серого и мрачного. Все массивно, фундаментально. Будто каждый дом – это маленькое укрепление, небольшая средневековая крепость...» [7, 3].

Ускорение темпов модернизации традиционного жилища в Осетии связывается с развитием кирпичного и черепичного производства. Больше всего кирпично-черепичных предприятий приходилось на селения Христианское и Хумалаг, что обусловило появление в них большого количества новых многокомнатных кирпичных домов по сравнению с другими районами Осетии [5, 80]. Как правило, застройщиками домов нового типа были чиновники разных рангов, офицеры, торговцы, отходники, представители сельской интеллигенции, получившие образование в больших российских городах, а также осетины, которые жили некоторое время среди русских: «... в данное время у богачей кирпичные дома, крытые железом или черепицей, с голландскими печами, кухней с плитой. Везде в жилых помещениях чисто: полы покрашены, потолки и стены оштукатурены. Вентиляции по последней моде. Окна большие... в комнатах сколько угодно свету. Постель и белье чистые, белые, как утренний снег, мебель венская. Посуда из фарфора и хрусталя. Буфет полон стаканов, рюмок, ваз, сахарниц и т.д. Тарелки разных размеров. Чайные и обеденные сервизы из вызолоченного серебра. Самовары тульские... В доме изящно, красиво и чисто – все честь честью. Все пахнет заграничными духами. Дом горца, поставленный на образец дома европейца, смотрит гордо и приятно в нем почивать...» [8, 185].

Влияние русской культуры проявилось и на некоторых аспектах мировоззрения осетин. Так, знаковым явлением их традиционной обрядности, свидетельствующем о вступлении осетинского социума в новый этап общественного развития, стало замещение традиционного осетинского очага, наделенного глубоким сакральным смыслом, голландской и русской печами: «... появляется в доме русская печь и очаг заброшен и забыт... приготовление на очаге совершается только в особых случаях. Постепенно

забывается и исчезает из памяти и весь связанный с очагом патриархальный торжественный культ» [9, 55].

Под влиянием русского населения жители Осетии заметно стали утрачивать свои прежние обычаи [10, 4]. В плане организации более удобного быта, они многое переняли у русских: «...не так чуждались русских с их обычаями и культурой... усвоили от них много полезного и разумного... Начинается энергичная перестройка своей жизни на новых, более разумных началах...» [11, 27]. Самообеспечение осетин, производившееся первоначально всецело согласно традиционной национальной и отчасти общекавказской модели, начинает...сменяться новыми, условно говоря, «русскими», а на самом деле общеевропейскими моделями организации быта... [5, 4].

Капиталистические отношения, процессы индустриализации и модернизации, ворвавшиеся в некогда размеренную жизнь осетина, коренным образом изменили весь уклад его традиционной хозяйственной деятельности, вовлекая в товарно-денежные отношения, вынуждая менять его культурно-хозяйственные привычки, способы жизнеобеспечения. С открытием Владикавказской железной дороги в 1875 г., с развитием торговых связей с центральными промышленными районами империи, с тех пор, как осетины «ознакомились с Россией и ее промышленностью», товары фабричного производства, в большом количестве хлынувшие в Осетию вытесняли более примитивные продукты кустарного производства, которые не могли больше противостоять и вступать в конкуренцию с привозной продукцией московских и других российских фабрик, планомерно превращавших Северный Кавказ в свой рынок сбыта. Таким образом, осетины встали перед необходимостью включения в товарно-денежные отношения, зарабатывания денег, участия в торговле. Торговля выступила одним из прочных механизмов взаимодействия осетинского и русского народов и способствовала успешной хозяйственно-экономической интеграции Осетии с Российской империей. Показав себя в качестве лучшего средства сближения народов, торговля давала основания полагать, что она нивелирует все, что разъединяло народы друг от друга, разовьет в горце дух предприимчивости, вытеснит из его головы «те беспокойные, отжившие понятия, которые ставят его в прямое противоречие с настоящим положением дел... введет в семейный быт... неизвестные доселе удобства, изменит к лучшему семейные и общественные отношения, отодвинет на задний план винтовку...» [1, 26]

Стремление к улучшению качества жизни и решению проблем, возникающих на этом пути, породило в осетинской среде отходничество - один из вариантов экономической деятельности, принявший массовый характер в Осетии в начале XX в. В основном осетинские отходники направлялись в крупные города североамериканских стран и Австралии, где они приобщались к новым видам сельского хозяйства и промышленной техники, приспособлялись к современным способам ведения хозяйства и условиям капиталистического труда, осваивали новые виды деятельности, а иногда и получали образование; возвращаясь на родину, они успешно применяли приобретенный опыт в усовершенствовании своей жизни [12, 1475]. Отходничество предоставляло осетинам возможность знакомиться с «жизнью других» в более передовых странах, что кардинальным образом трансформировало их мировоззрение, превращая их в подвижников прогрессивных идей и достижений мировой хозяйственной культуры.

Таким образом, взаимодействие осетин с русскими переселенцами во второй половине XIX – начале XX вв. способствовало трансформации их традиционного уклада жизни и проникновению в осетинский социум передовых культурно-хозяйственных достижений.

Список литературы

1. Айларова С.А. Ценностные доминанты северокавказской экономической мысли 60-70х гг. XIX века // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. - 2009. - № 4. - С. 22-32.
2. Данакин Н.С., Ярмош Т.С. ЖИЛАЯ СРЕДА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН // Управление городом: Теория и практика. Белгород: Институт муниципального развития и социальных технологий. - 2014. - № 1 (12). - С. 69 – 72.
3. Калоев Б.А. Осетины: Историко-этнографическое исследование. 2-е изд., переработанное. М., 1971. – 357 с.
4. В.-Н.-Л. Переходное состояние горцев Северного Кавказа. Тифлис, 1896. – 41 с.
5. Тайсаев К.У. Модернизация традиционного быта осетин в XIX веке. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. – 162 с.
6. Селение Бираганг // Терские ведомости. 1913. № 19. С. 3.
7. Семенов И.И. По Осетии и Кабарде (наблюдения и заметки) // Терская жизнь. 1914. № 77.
8. Гарданов М.К. Селение Христианское в фактах жизни // Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения. Владикавказ, 1925. Вып. 1. С. 151 – 222.
9. Цаликов А. Кавказ и Поволжье. М. 1913. – 198 с.
10. Толмачев С.И. Селение Алагир // Терские ведомости. 1899. №142.
11. Пожидаев В.И. Горцы Северного Кавказа. Краткий историко-этнографический очерк. М-Л. 1926. – 110 с.
12. Марзоев И.Т. Феномен эмиграции осетин в страны Северной Америки в конце XIX – начале XX века // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С. 1475.

References

1. Ajlarova S.A. Cennostny`e dominanty` severokavkazskoj e`konomicheskoy my`sli 60- 70x gg. XIX veka // Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K.L. Xetagurova. - 2009. - № 4. - P. 22-32. [in Russian]
2. Danakin N.S., Yarmosh T.S. ZhILAYa SREDA KAK SOCIOKUL`TURNY`J FENOMEN // Upravlenie gorodom: Teoriya i praktika. Belgorod: Institut municipal`nogo razvitiya i social`ny`x texnologij. - 2014. - № 1 (12). - P. 69 – 72. [in Russian]
3. Kaloev B.A. Osetiny`: Istoriko-e`tnograficheskoe issledovanie. Moskow^ Nauka, 1971. – 357 p. [in Russian]
4. V.-N.-L. Perexodnoe sostoyanie gorcev Severnogo Kavkaza. Tiflis, 1896. – 41 s. [in Russian]
5. Tajsaev K.U. Modernizaciya tradicionnogo by`ta osetin v XIX veke. Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2008. – 162 p. [in Russian]
6. Terskie vedomosti. 1913. № 19. P. 3. [in Russian]
7. Terskaya zhizn`. 1914. № 77. [in Russian]

8. Gardanov M.K. Selenie Xristianskoe v faktax zhizni // Izvestiya Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kraevedeniya. Vladikavkaz, 1925. Vy`p. 1. P. 151 - 222. [in Russian]
9. Czalikov A. Kavkaz i Povolzh`e. Moskow, 1913. - 198 p. [in Russian]
10. Terskie vedomosti. 1899. №142.
11. Pozhidaev V.I. Gorcy Severnogo Kavkaza. Kratkij istoriko-e`tnograficheskiy ocherk. Moskow -Leningrad. 1926. - 110 p. [in Russian]
12. Marzoev I.T. Fenomen e`migracii osetin v strany` Severnoj Ameriki v konce XIX - nachale XX veka // Sovremenny`e problemy` nauki i obrazovaniya. 2014. № 6. P. 1475. [in Russian]